

Пермитин Ефим Николаевич

Враг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Е91

Е91 **Ефим Николаевич П.**
Враг / Пермитин Ефим Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
363 с.

ISBN 978-5-521-27760-5

ISBN 978-5-521-27760-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

•
Это, конечно, не вторая книга «Капкана», как могут подумать читатели, знакомые с первой книгой этого романа.

В процессе работы над большим произведением законны отступления от основной мысли. Так река разбивается на несколько русел, сохраняя главное, но это не значит, что не нужно исследовать и ответвлений.

Во «Враге», за исключением Дмитрия Седова, разработаны мною линии не главных положительных героев нашего времени, а представителей враждебного лагеря, борющёгося с нами новыми средствами.

В романе «Капкан» — сложном и многопланном, над окончанием которого работаю я сейчас, многое из показанного во «Враге» утратит самостоятельность, будет подчинено главному, многое просто упадет в силу законов композиции. Но я не мог не поспешить с показом в первую очередь врага в деревне. Не того условного «врага», героя многочисленных романов в деревне, а врага хитрого и гибкого, с которым ещё долго придется иметь дело, даже и при осуществленной сплошной.

Думаю, что читатели не откажут помочь мне в работе над романом «Капкан», сообщив свое впечатление от книги «Враг»:

Москва, Тверской бульвар, 25, квартира 17.

Е. Пермитин

Сбор был назначен ночью, у Амоса Карпыча.

Первым явился Мосей Анкудиныч. Вскоре, один за другим, пришли Автом Пежин, Самоха Сухов, Никанор Селезнев, Егор Егорыч Рыклин и Емельян Прокудкин.

Ставни у окон были закрыты наглухо. Домашняя моленная Амоса Карпыча освещалась только восковыми свечами у образов.

— Все, кажись?

— Больше некому, Амос Карпыч. Волк хичный усек стадо наше. — Мосей Анкудиныч сокрушенно вздохнул.

— Ну, дак я запрусь, а Апросинью на караул поставлю...

— Верней эдак-то. По теперешним временам тени своей и то бойся. — Мосей Анкудиныч снова громко вздохнул и сел, хозяйственно подобрав полы кафтана.

— Мужики выжидательно молчали. [Автом Пежин кашлянул несколько раз, а Мосей Анкудиныч все еще не приступал.

Егор Егорыч обмахнул лысую голову рукавом кафтана, склонился к Емельке Прокудкину:

— Скорей бы уж...]

Мосей Анкудиныч приподнялся с лавки.

— О житье нашем говорить вам нечего, старички. Не житье, можно сказать, пришло, а сиденье голым задом на муравьище: [и тот тебя норовит ущипнуть,

и этот ухватить, кусают кому не лень. В сельсовет и глазу не покажи: и встречают и провожают в одно слово: — Дай! Дай, и больше ничего! За пчелу дай, за скот дай, за марала дай, на школу дай, на дом для дьявольских розыгрыш — дай. Скотозаготовки, маслозаготовки, медозаготовки. Одно горло зatkнешь, а другое еще шире. Нечего говорить вам — горе, что ногти, у всех растет. До всех дошло, по самую маковку. Хорошо теперь только тому, кто раньше носил суму.

[Слыханное ли дело, старички,] принесли мне [это] вчера налог за пасеку и за маральник, [да не боли ли тут ретиво-сердце,] в двести целковеньких! Я так и прикипел к лавке, гляжу на исполнителя и речи решил. Одыборел кое-как, кинулся к Акинфу Овечкину, пытаю его, а он вытаскивает это бумажечку и с эдакой сатанинской ухмылочкой сует мне. Глянул и вижу я, что с него они всего только навсего десять целковых требуют. Ихняя власть. Район на всю деревню общую цифру определяет, а они всю тяжесть на чужой воз — легко ли везти его?]

И выходит, старички, как ни прикидывай, как ни мудри, а конец один: или раззор, или со мной. Жить с ними, [значит, по-собачьи лаять, учиться,] значит, от детей своих отступить и сатане в колени собственными руками их подкинуть. [Табачище жрать начнут, бороду, как Митька Седенков, скоблить станут, о боге мысли из головы повыкинут...] Вам ли о всем этом и мне ли говорить, старички? Много ли нас адамантов твердых правой веры осталось? А там... — Мосей Анкудиныч измешил голос и, в захлеб, снова заговорил. — Благодуханье, на горах — нанюхаться невозможно! Леса — топора не видали! И среди гор, сказывают, поляна обширная такая вышла и по ней река, не менее Черновой. А рыбы в ней — лошадь не бредет! А в лесах зверье! А ягод-

ники! О местах этих наслышан я от самовидцев. Ходу до их с тугим выюком пятнадцать дней и все на юго-восток. [А найти благословенную туё долину господь поможет.]

Слышал я от грамотного, от такого грамотного человека, тайком тоже к китайской границе подавался, — Мосей Анкудиныч умерил голос до шопота: — На тло изотлят, говорит, вас обезголосеённых голосом. И указал он при этом мне на шею и по ней вот так чиркнул. — Мосей Анкудиныч выразительно дернул пальцем по шее.

Мужики сидели потупившись. Не один раз слушали они Мосея Анкудиныча, не одну ночь не спал каждый, обдумывая план переселения на границу монгольского Алтая, в труппобные леса, а вот дошло до окончательного слова и каждый «обмелел» решимостью. Сидят, уставившись в пол, опасаясь взглянуть друг на друга.

Мосей Анкудиныч нервно перебирал узкую, седую в желтых прокустнях бороду и вопросительно переводил острый взгляд с одного на другого. Он хорошо понимал, какими корнями, за двести лет, вросли в здешнюю землю мужики: у каждого полная деревня родни, дочери замужем. Знал, что и не крушением старой веры понудишь мужиков на окончательное решение: не прежние времена, когда бескорыстно искали старики святого беловодья...

— О брошенном не печальтесь, старики! И об оставленных не кручиньтесь: не на век! Сколько лет под татаринoм терпел русский народ. Свергнули! Под царем триста лет ходили, а сбросив — натешились. Натешимся и мы. Вернемся и все с лихвою вернем. А ты, Амос Карпыч, Селифона через дочку скажешь. Мужик он сейчас — ни в тех, ни в сех. С умом за него взяться — наш будет... Так-то и каждый: кого можно — с собой сбивайте и придем мы туда

своей семьей, [тесной да покорной, да богу угодливой.]
Сами не уйдем — сокрушат... Попомните мои слова!
Попомните! — пророчески заключил Мосей Анкуди-
ныч и сел.

Емелька Прокудкин толкнул локтем Егора Его-
рыча:

— С тебя начинать, ты везде попереди, обсказы-
вайся первый.

Рыклин, против обыкновения, «обсказываться» на-
чал неохотно: единственная его дочь — Фенюшка —
слюбилась с сыном соседа, и Макрида Никаноровна
об уходе в леса слышать не хотела. Да и сам он,
втайне, давно лелеял мысль: за бесценнок скупить у
уходящих богатеев пчел, маралов — дочке в прида-
ное. А со своим добром постучаться в колхоз и со
временем сделаться там главным.

При стариках [о колхозе] он [и подумать не мог:] не
только стыда боялся, а уверен был, что они его, как
изменника, сожгут или убьют. Начал [он поэтому не-
обычайно политично:]

— Правильно, как есть все справедливо обсказал
здесь Мосей Анкудиныч. И насчет налога и всего
другого прочего: нет сил, по самой храпке бьют и
утираться не дают. Но не обсказал он одного толь-
ко, старички, это насчет ненавистного нам всем с
вами колхоза. Потому, поскольку он — колхоз, по-
скольку он кость в горле. Пахотная елань у кого? У
колхоза. У кого лучшие покосы? У их. Кто у всей
власти в совете? Артельщики. А для чего он нам
колхоз наш? Для чего колхозы по всему нашему Ал-
таю, когда наш сибирский мужик, можно сказать, и
без того хозяйственный мужик. У реденького из нас
по два десятка дойных коров не было, по семь, по
восемь мерингов в упряжке не ходило. А маралов!
А пчел! Да что там говорить: помещиком жил. У
каждого из нас и мясо круглый год, и масла непро-

ворот, и меду, хоть залейся. Хоть так ешь, хоть медовуху вари. А им 'одно далось, [как безъязыкому песня] колхоз да колхоз! Нужен же он нам, как мертвому гармонь. Да ведь наш мужик это не то что российский там лапотник, который жизнь свою аржаной коркой давился, да и то не досыта, на воде только и выдувался. Сибирский мужик, вторительно говорю вам, сам себе помещик.

И вот гляжу я, мужички, на мир и вижу, что чем больше они про колхозы свои говорят, тем дело у них все хуже да хуже. Словно бы хвост у кобылы — все тоне, да тоне. Хватились, а там уж один окомок остался, постольку-поскольку, и уж на репице чисто, ни волосочка.

А все потому, что расписали все, как на крашенном яичке — социализм, пятилетка... Мужик же наш, известное дело, психологист, насчет «мое, а не твое» крепок. Постольку, поскольку лаком конь ко двору, да к соли, марал к лесам да к воли, а наш брат, крестьянин — к хозяйской свободе, к домашнему доволству, да аккуратности. В колхозе же только бы с рук долой, а с ног, хоть собаки тащи...

Мосей Анкудиныч все ждал, когда же Рыклин заговорит о переселении, но не дождался и, теряя терпение, перебил его:

— Да ты брат, Егор Егорыч, говорок, что про тебя скажешь, присловий разных набрался, как блудливый конь, репьев, но о деле словом не обмолвился. Насчет же колхоза и всего иного — все верно, но сейчас не об этом речь. А отвечай-ка ты нам, Егор Егорыч, [без усику] пойдешь с нами, или останешься с камунистами?

— И я это же говорю, — сорвался крутой на слова и дела Автом Пежин. — Крутиться тут, брат, как ужу под подошвой, нечего. — Мохнатые брови у Автома шевелились над переносицей, [как два черных

медведя, — Тут тебе не девку улещать, Егор Егорыч, не артельщикам зубы заговаривать. [Собрались сюда сам знаешь кто и какое дело решать.] Тут, можно сказать, печенки в крови. Жизнь свою всю, труд споконвечный, на ветер собственной рукой пушаем. Зажгу! Все зажгу! Чего не захвачу — все огню! Кровушка моя, гори! Да знаешь ли ты, Егор, что душе с телом легче расстаться... Ну, уж и мой же час придет! — Лицо Автома было страшно, волосатые пальцы судорожно хватали воздух, он задохнулся и сел, [низко уронив голову.]

После Автома мужики снова все вместе приступили к Егору Егорычу.

— Как хошь, а только, ради бога, на прямоту!

— С нами или насупротив?

— [Без усику!]

Егор Егорыч [не мог усидеть на лавке и] выскочил на середину моленной.

— Богом прошу, мужички, послушайте! Дело тут [не в том, что мы уйдем в глухие леса] От их не укроемся. Найдут! Из земли выроют. Не в том спасенье, чтоб уйти, хотя я и не против этого... — На большой шишковатой лысине Рыклина заиграли отблески потревоженных [огоньков у икон] — Газеты я центральные выписываю, мужички, и уж так-то ли их читаю, так читаю, что иной раз и голова кругом пойдет. И вот, спасибо им, центральным газетам, многому они меня научили. Такой борьбой, как предлагал не раз Автом Поликарпыч, только себя сгубишь. Это все равно, что пожар маслом тушить. И не мало по эсер-сер таких горячих Автомов-правдолюбцев себя сгубило на данном отрезке времени. Да и ты, Мосей Анкудиныч, плохое лекарство выдумал. От него добрый десяток лет кашлять придется. Ну-ка, прикиньте, каково все заводить с основанья, да в наши ли годы, да только своим горбом? А я собственную си-

стему, на основании вычитанного из центральных газет, [вам] предлагаю.

Разбивайте движимость и недвижимость, [как] на [можно] мелкие части, сынов отделяйте, дочек пристраивайте и всеми мерами гоните себя под середняка. А там, кому удастся, в самую середину их проникайте и умно, — ой как умно! — ведите свою линию. А то отступились от всего и дали дуракам волю, а они и две взяли... Так-то, мужички, умные люди по некоторым местам делают... А бежать — не зная куда, глаза выпуча...

— Провались ты в преисподнюю со своей системой! — затрясся Мосей Анкудиныч. — Пока ты к им в душу влезешь, они у тебя ее по частям вынут... Автомовский, вон, крестовик; слышно, под клуб намечают, а в мой этой осенью решили сельсовет перенести. И так на каждого из нас ножи точат. А ты шею протянуть им, псам, предлагаешь: «режьте, если не больно вам, товарищи»... Не бывать этому!

Глаза Мосей Анкудиныча сверкали, грудь ходила под кафтаном.

— Не бывать! — взревели [дружно] мужики, зараженные злобой Мосей.

— Живые в руки не дадимся!

— Давай крест, отец Амос, на кресте поклянемся, — предложил Мосей Анкудиныч.

Егор Егорыч сидел бледный и поминутно обтирал рукавом парную лысину.

— Вот что, мужички! Согласен я! Только богом прошу, [не кидайтесь с бухты-барахты] Пошлем одного разведать место, путь осмотреть, а потом уж потихоньку собираться.

— Это он правильно! — [увесисто] поддержал Амос Карпыч.

Предложение Егора Егорыча устраивало его вполне. Твердо верил он, что за это время удастся ему

уговорить зятя Селифона решиться на переселение. Мужики не стали возражать.

Амос Карпыч снял с полки медное, позеленевшее от времени, распятие, положил его на небольшой аналой и первый поцеловал троекратно.

О ходоке договорились быстро. Егор Егорыч выдвинул было Автома Пежина, но Амос Карпыч запротестовал и его поддерживали остальные.

— Посылать надо сердцем смиренного, [до бога прилежного] Не на шуточное дело решились. А такое место разыскивать нужно со словом евангельским. Автом же крутенок [сердцем] неравно и выматериться может.

Амос Карпыч предложил Мосея Анкудиныча. Старик охотно согласился, но выговорил с остающимися и за пасекой его досматривать, и сена ему накосить, и за маралами [догляд иметь, и на всякий случай] на дорожку денег — по двести рублей с каждого. Мужики покряхтели, но согласились.

В ставни уже начинали просачиваться полоски света, когда мужики, по одному, задворками, расходились в разные стороны.

— Курносенок это! Дальние воры не одним бы ульем покорыстовались, — уверенно сказал Герасим Андреич. [Дмитрий Седов вначале растерялся.]

— Сами учим... Сами учим... — бессвязно шептал он, вызывая недоуменные взгляды Станислава Матвеевича и Герасима Петухова.

...Накануне, с месячным опозданием (из-за бездорожья) впервые получили майскую почту. Вечером Седов читал подмоченные, истертые по сумам кольцевика газеты. В первом же номере попались заметки о вредительствах в колхозах и совхозах. Он перечитал их все — во всех номерах сразу, и, под конец, ему начали мерещиться железные болты, забитые на